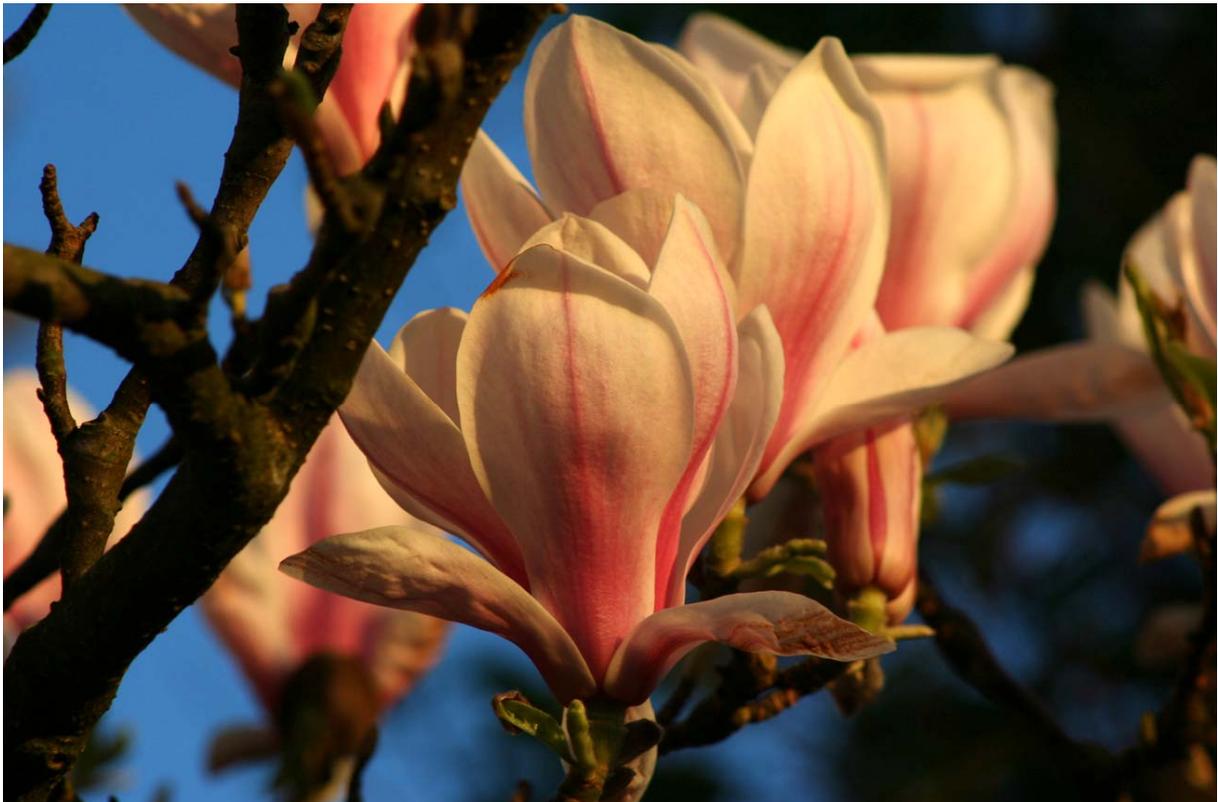

Евгений Плоткин

Законы, которые мы выбираем

ЗАКОНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

– Дядя Женя, – сказал Максим, – на что вы меня подбиваете? Мало того, что вы суете свой нос туда, где вас не ждут, так вы еще и меня толкаете на это! И на откровенную ложь тоже! – резко добавил он.

– Максим, повторяю, – произнес я, заводясь внутренне и внешне, – тебя спрашивали про Кембридж?

Этот разговор состоялся через день после моего приезда, а пока в Оксфорде стоял прекрасный весенний день, похожий на ранние весенние дни во всем мире, или, по крайней мере, в северном его полушарии. Порывистый ветер затачивал и без того острые углы готических шпилей, куда-то к Темзеплыли по небу мелкие, курчавые облака, временами светило солнце, временами напознала тень, но было безоговорочно ясно, что солнца в этом мире – больше.

Как-то так получалось, что все мои предыдущие приезды в Оксфорд были приурочены к той мелкой противной мороси, что сродни ленинградской безысходной погоде позднего октября, когда сразу и не поймешь, рассвело – не рассвело, дождь ли за окном – или это просто взлохмаченные кошки жмутся к теплу канализационных люков. А тут вдруг – апрель, яркие краски, нарциссы вдоль тротуаров, свобода витает и дышится хорошо.

Я решил, что посмотрю пару-тройку колледжей, а потом зайду в паб "Орел и дитя", где в задней комнате писались и читались "Властелин колец" и "Хроники Нарнии".

Все колледжи, а их в Оксфорде около сорока, выглядят родственниками. Они немислимы без ослепительно зеленой лужайки прямоугольной формы, расположенной перед центральной капеллой и сопряженной с ней трапезной. Трапезная тоже похожа на церковь и навеивает мысли о вечном. Тяжелой буквой "П" стоят темные столы мореного дуба, висят портреты королей, канцлеров и просто рядовых лордов, льется подобие света из подобия окон.

К завтраку подают что-либо традиционно английское, условно съедобное, а к обеду могут сервировать и пекинскую утку с хорошим вином.

У каждого колледжа свой собственный кодекс защиты от посетителей. То нельзя, и се нельзя, и утром нельзя войти, и вечером нельзя, а можно в такие часы, которые – ни уму, ни сердцу. Имеется еще около двух сотен запретов и трех сотен традиций весьма почтенного возраста – в них и раньше смысла было немного, а в наше время так и вообще никакого нет. Но студенты Оксфорда мо-

гут посещать любые колледжи, поскольку эта диковатая система и образует Оксфордский Университет.

Ни в один из колледжей попасть не удалось, и я завалился в "Орел и дитя" с желанием поубивать всех и отменить все законы. Пиво мне душу не греет, а остальное в английских пабах камнем ложится туда, где должна лежать настоящая пища. Праздничное настроение от Оксфорда поутихло, зато разыгрался атактистический анархизм. А тут еще магнолии... Весь Оксфорд купался в их кремово-розовых цветах, как будто готовился отпраздновать тысячу свадеб одновременно. Лепестки нежных оттенков обрамляли монастырские стены и решетки, но почему-то самые яркие, самые необычные деревья росли там, куда запрещалось всем, кроме членов местного оксфордского профсоюза.

В это время мне позвонил из Кембриджа Максим.

– Дядя Женя, – сказал он, – я завтра приеду в Оксфорд, очень хочу вас повидать.

– Конечно, жду, – я был обрадован, – жду тебя завтра, я пропущу какие-нибудь доклады, и мы спокойно поговорим, я тоже по тебе соскучился.

– Как здесь здорово! – сказал я. – Никогда не видел такого роскошного цветения. Магнолии... Хочется фотографировать! Надо попасть за стену колледжа, там особенно красиво. Давай мы пройдем мимо халдея в котелке, что стоит на входе. Сделаем вид, будто нам положено и все запреты написаны для "них", а не для нас. При этом будем увлеченно нести какую-нибудь чушь. Сможешь сыграть?

Максим хмыкнул и ничего не ответил.

Максим – "наш" ребенок. Их уже дюжины две, детей наших друзей, возвращенных в институтской компании, тех, которых ты знаешь столько же, сколько им лет отроду, и что самое главное – они тоже знают тебя примерно столько же, или, как мне иногда кажется, даже немного больше. Максим успел к своим двадцати с небольшим закончить университет в Йеле и теперь писал в Кембридже докторскую диссертацию. Что-то связанное с Кантом. Тема, конечно, подозрительная, но с кем не бывает... Мы с Максимом иногда беседуем за жизнь, с ним интересно. Интересно и сложно. Впрочем, с теми, кого любишь, всегда непросто.

Мы не встречались около года. Не срок, казалось бы, но время все-таки летит, свистит, и ни черта с ним не поделаешь. Парень слегка изменил прическу, но главное – он явно многое узнал с момента нашей последней встречи, и это знание отпечаталось в глазах, которые и раньше были живыми, а теперь стали просто как ртуть.

Мы подошли к сводчатому входу во внутренний двор и со словами "...кстати, мы должны немедленно проверить результаты эксперимента, вы согласны? Эта функция, несомненно..." спокойно прошли на территорию колледжа. Взгляд охранника уперся мне в затылок, но окликнуть нас он так и не решился.

Магнолии внутри колледжа были удивительными. Помимо кремово-розовых, с копьевидными бутонами, росли и снежно-белые, с тонкими изящными стволами. Я фотографировал с упоением, свет был подходящим, цветы в безветрии стояли, не шелохнувшись, как позировали. Насытившись, я спросил:

– Максим, как твоя диссертация? Как пишется, тебе интересно?

– Да, интересно, много нового, есть над чем думать и работать.

– Кант? Вроде бы уже столько о нем написано...

– Не совсем Кант, тема гораздо шире, хотя Кант, конечно – основа всего.

– Ну, Кант так Кант, я был на его могиле в Калининграде, город тогда еще не до конца вос-

становили после войны, собор рядом с могилой, или, вернее, могила рядом с собором... Запомнилось. Так что ты думаешь делать дальше, после защиты? Неужели будешь продолжать заниматься философией?

– Ни в коем случае, – Максим внутренне ощерился. – Не думаю, – сказал он уже более спокойно. – Еще не знаю толком, может быть политические науки, дипломатия, а может быть – закон, *law*, на русский толком и не перевести. Юрист – как-то не очень подходит.

– Тебя это привлекает?

– Отвратительные цветы, – неожиданно и жестоко сказал Максим, уставившись на низкие тюльпаны, покрывавшие склон у парковой дорожки. – И посеяны безобразно, здесь все это ни к чему, нет ни гармонии, ни такта.

– Что это ты вдруг? Чем они тебе не нравятся? Посмотри, какие краски.

– Слишком яркие, все не так, и нарциссы эти повсюду.

– Оставь цветы в покое – мне нравится, тебе нет.

Обычное дело. Так тебя привлекает карьера юриста? Ты думаешь, что сумеешь судить людей?

– Не обязательно людей, есть ведь и фирмы, организации, есть государственное право. Но я ничего пока не решил.

Мы постепенно подошли к другому выходу из колледжа. Перед ним росла особенно красивая магнолия. Ее только что полили водой, и капельки искрились на широких лепестках. Я забрался в самую гущу листвы и снимал, снимал...

Около самого выхода стоял очередной страж и наблюдал за моими упражнениями.

Ему было отчаянно скучно. Проходя мимо охранника, я сказал ему:

– Красивое дерево, не правда ли?

– Красивое, – ответил он довольно безразлично. Его котелок съехал на затылок, а галстук прижался к обветренной шее.

– Вы не знаете, как оно называется? Я видел много магнолий, но все они были немного другими.

– Это магнолия, – сказал он. Потом, подумав, добавил: – А вы вошли с другого входа?

Я посмотрел на висящую над его головой видеокамеру. Все у них, паршивцев, схвачено. Конечно, он видел, как мы гуляли по саду, как я фотографировал цветы, может даже разговор слышал.

– Да, мы вошли с другого входа, – сказал я.

– А вы видели надпись, что посторонним вход запрещен? – спросил он, приободряясь.

Вот, значит, какая беседа пошла... Прекрасно знает, что мы не воры, не бродяги, что просто хотели сфотографировать магнолии на фоне монастырских стен, пока еще солнце в зените, но ведь держит марку, обязанности свои исполняет, мораль читает. Мы же все равно уходим, к чему эта комедия?

– Видел, – ответил я, но уже без всякого дружелюбия.

– Так почему вы вошли?

Я придвинулся поближе к его котелку.

– Понимаете, я видел надпись. Но если вы хотите сфотографировать что-то очень красивое, вы должны быть настойчивым. Мы ничего не сделали плохого, только хорошее. Вот поэтому и вошли.

– Это частная собственность, – сказал он и обратился к Максиму: – Вы студент?

Вот это умно! Если Максим студент, то имеет право на вход, и по закону Оксфорда (очередному закону) имеет право провести еще одного человека. Халдей не глуп, дает нам шанс выглядеть безупречно и себе обеспечивает спокойную жизнь – Макс скажет, что он студент, и все разойдутся счастливые. Тем более, что не с чего быть друзьями.

– Да, я студент, – сказал Максим, – но Кембриджа!

Трам-тарарам, кто же тебя за язык тянет, дитя ты неразумное – подумал я. Халдей стоял в полной растерянности, он не знал, что делать дальше. А делать было нечего, я сгреб Максима и вышел из дверей колледжа – фотографии цветов были сделаны, мне все это надоело.

– Максим, тебя спрашивали, студент ты Оксфорда или нет??? Тебя спросили только, студент ли ты! Так какого хрена?

– Дядя Женя, – сказал Максим, – на что вы меня подбиваете?! Мало того, что вы суете свой нос туда, где вас не ждут, так вы еще и меня толкаете на это! И на откровенную ложь тоже, – резко добавил он.

– Максим, повторяю, – произнес я, заводясь внутренне и внешне, – тебя спрашивали про Кембридж?

– Нет, не спрашивали. Но это еще хуже, чем ложь, это называется *mental reservation*.

– Как, как называется? Повтори!

– *Mental reservation*. Потом объясню. Как вы могли?! Это частная собственность, они могут устанавливать любые правила, и мы должны их уважать, иначе будет хаос, беспредел. Могут вообще не пускать, могут пускать только жителей Оксфорда – это их полное, законное право. А вы мало того, что нарушили, так еще этим гордитесь, глумитесь и меня в компанию берете.

Глаза его блестели, лицо заострилось, он был по-настоящему взбешен.

– Чушь, – сказал я, – чушь и демагогия. Вот представь себе:

у тебя весы, такие, как у греков, и на одной их чашке правила, установленные неизвестно кем, неизвестно зачем и неизвестно когда. Любая система старается себя обособить и порождает законы. Это тоже закон природы, ты подумай об этом на досуге. Теперь взгляни – вон магнолия. Сейчас здесь солнце, деревья в цвету. А где-то серое небо, проблем куча, настроение ниже нуля, одиночество. Я сфотографировал эти цветы – да, я нарушил, специально нарушил их долбаные

правила, но я никого не убил, не ограбил, я сознательно сделал нарушение, созвучное своему пониманию добра и зла, и я пошлю фотографию этой красоты ста своим друзьям по всему свету, и, может, у трех – нет, у одного из них поднимется настроение, появится чувство того, что о нем помнят, что его любят. Я возьму эту радость и положу на другую чашку тех весов, где уже лежат правила, – и что ты думаешь, правила перевесят?! Да я даже и взвешивать не буду, для меня все уже взвешено, и колледж этот взвешен, и Валтасар, и все на свете.

– Нет, это у вас демагогия, вы передергиваете, чтобы оправдать себя. Все это отвратительно.

– Может быть, но раз мы уже это сделали – кто тебя за язык-то тянул с Кембриджем? Ты что, не понял, что ему от тебя надо?

– Понял я все отлично, но я так поступать не буду, это *mental reservation*, это полуправда-полуложь, это иезуитство.

Максим немного успокоился, но все еще был на взводе.

– *Mental reservation*, – сказал он, – это такой термин. Означает мысленную оговорку или уклонение от правды. Все это старая история. Доктрина была разработана иезуитами.

– Иезуитами? А им-то зачем?

– Потому что у них была мораль, закон, который не позволял им лгать перед Богом, но позволял уклоняться от правды, если эту правду могли узнать люди, не наделенные правом

знать ее. Это был обман, казуистика, но не прямая ложь. *Mental reservation* и иезуитство – в некотором смысле синонимы.

– Интересно. В самом деле, очень интересно! Ну и что с того?

– Ничего с того. Нельзя лгать никаким образом. Кант отрицал ложь, у него был императив правды, он несколько книг написал на эту тему, например "О предполагаемом праве на ложь".

– Кант, иезуиты... Ты много знаешь. А списывать можно? Ну, допустим, идет экзамен, и некто просит списать у тебя решение. Ты дашь?

– Не знаю, наверное, дам, хотя у меня такого случая не было.

– Кант бы тебя осудил. Он, наверное, никогда не списывал в школе. Хотя... будучи Иммануилом... не поручусь. А если тебе задают бессмысленный вопрос, а ты даешь осмысленный ответ – кто хуже: тот, кто спрашивает, или тот, кто отвечает? Или ответ должен быть не умнее вопроса?

– Что вы хотите? Чтобы я сказал охраннику, что я студент, подразумевая, что студент Оксфорда? Мы и так совершили дрянной поступок. Я вас не осуждаю, мне это просто неприятно, я не хочу участвовать в таких делах. Здесь нечем гордиться. Ну, нарушили закон, обманули одного охранника, поиздевались над другим, наговорили кучу слов в свое оправдание – ваше право. Я в этом не хочу

больше участвовать, поэтому я и сказал то, что сказал!

– Я не говорил слова, я излагал чувства, слова говорил ты. Правда-ложь, Кант, иезуиты, одно перед Богом, другое перед человеком... термины, ссылки, *mental reservation* – это же надо, *mental reservation*! Как ты вообще приплел этот нафталин? Где твои чувства, где твоя мудрость?.. Ты помнишь своего прапрадеда?

– Кого?

– Я же сказал, прапрадеда. Его звали Шмерл, он жил в штетле недалеко от Луцка.

– Откуда вы знаете? – спросил Максим недоверчиво. – Я этого не знаю, у евреев вообще дальше, чем на два поколения, никто ничего не знает.

– И я не знаю. Но у тебя был прапрадед?

– Был, конечно, и прапрабабушка была.

– Ну, раз был – допустим, что его звали Шмерл. Чем не имя? Как звали прапрабабушку, я не знаю, может быть Бейле-Бейлеле, а может и Двойра-Двойреле. Двойра – это пчела, она трудилась, как пчелка, в семье было много детей, не так ли?

– Наверное, много, я думаю, что много. Но при чем здесь это?

– Детей было точно много, потом были две мировые войны, погромы, революции – кто выжил, тот потерял связи – короче, детей было много. Их надо было кормить, а семьи были бедными. Веселыми, но бедными. По воскресеньям в соседнем селе была ярмарка, там продавались прекрасные куры, молодые грудастые куры, по пять копеек за штуку. Из них можно было сделать бульон для всей семьи, да с клецками, да со шкварками... Ты знаешь, что такое шкварки?

– Знаю я, конечно.

- А клецки?
- Это такие мучные шарики для бульона. Знаю.
- Это ты думаешь, что знаешь, ничего ты в этом не понимаешь. Да и я тоже уже не понимаю. Ну вот, надо было ехать к открытию, к воскресному раннему утру, пока кур не раскупили. Но ночью ехать было нельзя. Ты понимаешь, почему?
- Нет, не знаю, наверное в темноте опасно.
- Вот именно, опасно. Собирались по несколько подвод, чтобы в случае чего отбиться или откупиться. Но все равно, зачастую между селами кто-то хватал лошадей под уздцы и забирал все. Могли и убить. Ты можешь это себе сейчас представить – здесь, в Оксфорде? Ночь где-нибудь в Малороссии, апрель, там уже тепло в это время, идет подвода по колее, на ней сидит человек невысокого роста, в картузе, с сапогами на продажу – может, он был сапожник, в очках. Нет, не в очках, где взять очки? Или все же в очках, пенсне, в чем-то. Дремлет, покачиваясь. Вдруг на опушке леса появляются трое вооруженных. "Слезай, – говорят, – приехал". И все, и нет больше подводы, и прапрадеда нет, и, следовательно, тебя нет, ты не существуешь!

или откупиться. Но все равно, зачастую между селами кто-то хватал лошадей под уздцы и забирал все. Могли и убить. Ты можешь это себе сейчас представить – здесь, в Оксфорде? Ночь где-нибудь в Малороссии, апрель, там уже тепло в это время, идет подвода по колее, на ней сидит человек невысокого роста, в картузе, с сапогами на продажу – может, он был сапожник, в очках. Нет, не в очках, где взять очки? Или все же в очках, пенсне, в чем-то. Дремлет, покачиваясь. Вдруг на опушке леса появляются трое вооруженных. "Слезай, – говорят, – приехал". И все, и нет больше подводы, и прапрадеда нет, и, следовательно, тебя нет, ты не существуешь!

– Жуткая история. Но может быть, у меня не было прапрадеда Шмерла?

– Был, обязательно был, как же без него? Но я же сказал тебе – он был умный человек. Поэтому он ночью не ездил, а ездил спокойно днем, когда безопасно, так что ты есть, ты существуешь, иди себе спокойно и читай Канта. Но есть одна проблема. Понимаешь, какая?

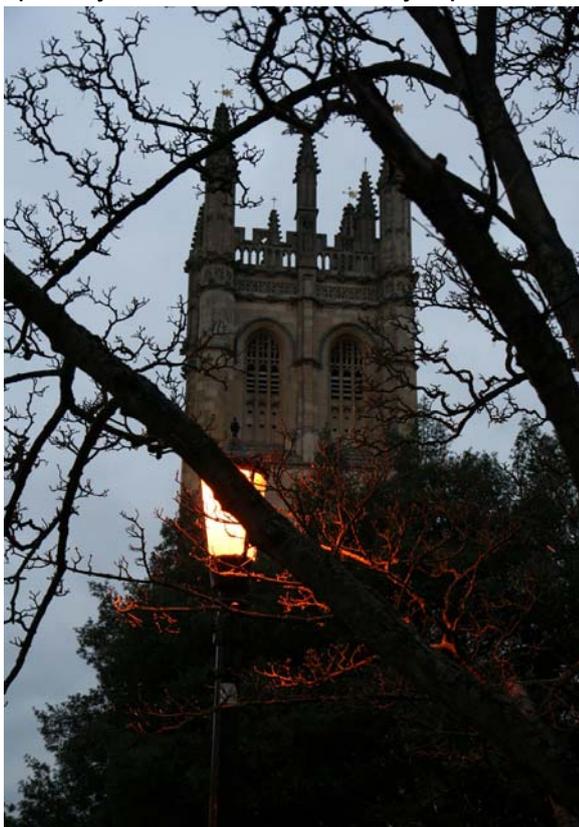
- Честно говоря, пока нет.
- Простая проблема. Ярмарка была в воскресенье утром, а до воскресенья идет суббота, шаббат, нельзя еврею, да еще из местечка, в шаббат ездить, не положено, а попростому – строго запрещено. Закон такой, про субботу, про "шти субботу", и заповедь соответствующая имеется, и записано все, и прописано миллион раз. Вот тебе и проблема – ехать нельзя, а ехать надо. Примерно как у нас с оксфордскими магнолиями.

- Не вижу никакой связи.
- Не видишь, потому что не смотришь! Ты рассуждаешь, как гвоздь: что запрещено, то не разрешено – и точка. Не увидим цветов в монастырских садах сейчас – увидим потом, не увидим потом – значит, не судьба. Опять точка. Нет на свете никаких точек, есть многоточия, только иногда очень-очень короткие... Что значит – не увидим? Надо увидеть! Так вот, прапрадед запрягал подводу в пятницу до захода солнца, когда еще можно делать что угодно, привязывал лошадь к столбу за околлицей и клал перед ней сноп сена побольше, чтобы лошадь была морально готова к долгому пути в субботу. А в субботу днем Шмерл садился на эту подводу, а ноги ставил в большой таз с водой, потому что ездить правому еврею по субботам нельзя, а плавать – можно!!! Так он и плыл из своего местечка в деревню на ярмарку. Единственный в своем роде корабль с двигателем в одну лошадиную силу. Потому что был прапрадед человеком верующим и соблюдающим законы. Но – веселым и умным, такое бывает... Наверное, от чеснока.

- Почему от чеснока?
- Все местечковые евреи ели чеснок. Ты чеснок не ешь?
- Ем, конечно ем.
- Мало ешь, ешь больше. Только потом сразу не целуйся, подожди, пока всосется.

Мы шли с Максимом по Оксфорду. Лицо потихоньку переставало гореть, нервы – вибрировать. Что-то эта полемика оказалась слишком серьезной, да и трудно доказывать свою правоту, когда сам в ней не уверен. Стало холодно, средневековые вороньем летело за нами от колледжа к колледжу, от церкви к церкви. Оно останавливалось в кронах деревьев и хрипло каркало. Магнолий средневековые избегало, не росли в средние века в Оксфорде магнолии. Вдруг я увидел надпись на калитке: "Школа драконов, собакам вход запрещен".

– Нам туда? – спросил я Максима. – Вроде мы без собаки.

– Вряд ли, – сказал он. – Давайте лучше присядем на скамейку. Я все-таки с вами не согласен.

– Давай присядем, – сказал я, – слишком много эмоций. Как ты думаешь, может ли быть частная собственность на картину?

– Может.

– А на пещеру?

– Конечно, может.

– А на человека?

– Это называется рабство, – сказал Максим. – На человека частной собственности быть не должно.

– А раньше ведь была?

– Ну и что?

– Ничего. Была раньше, а теперь нет. Я думаю, что в таком виде, как сейчас, частная собствен-

ность на все виды красоты исчезнет в скором времени.

– Что вы имеете ввиду?

– Сегодняшний колледж, к примеру. Они владеют достоянием человечества, причем совершенно неизвестно, кто эти "они", да и неважно. Важно, что все, что является культурной ценностью, обязано быть открытым для всех. Картина Ренуара может быть частной, собором может владеть кто угодно, от государства до церкви, парками может владеть магистрат. Но должен быть запрет на запрет доступа.

– Дядя Женя, вы идеалист и коммунист! Знаете, куда с такими благими порывами мы придем?

– Знаю, конечно. Потому и нарушаю закон, и буду нарушать, когда чувствую, чего он стоит. А ты будешь нарушать?

– Я – нет, *dura lex sed lex*. Закон суров, но он закон.

– Неверный перевод. Правильно: закон дурак, но он закон. "Дурак" как раз и произошел от латинского "дура" – то есть твердый, негибкий.

Максим посмотрел на меня недоверчиво:

– Вы издеваетесь?

– Нисколько! Я шучу. Кстати, если бы я не нарушал закон, тебя не было бы на свете!

– Опять история с умным прапрадедом Шмерлом?

– Нет, другая. Лет тридцать назад был юбилей Рериха. Того самого, что сказал: "Красота спасет мир". Знаешь Рериха? Он был великий художник, да и философ неплохой, даром что пантеист.

– Я слышал, Рерих был агентом НКВД?

– Возможно, не вижу здесь противоречия ни с талантом, ни с пантеизмом. В честь столетия со дня его рождения открылась большая выставка в музее. Грандиозная выставка: запасники, частные собрания, провинциальные музеи – все вместе. Я повел своих друзей по этой выставке, показывая картины, рассказывая об их судьбе. Постепенно народ собирался вокруг нас, и через полчаса шла уже толпа, человек тридцать, не меньше. Среди них была и твоя мама. Так мы с ней познакомились и подружились. Потом познакомил ее с твоим папой. Потом появился ты. Как ты на это смотришь?

– Неплохо смотрю, очень даже положительно.

– Правильно, я смотрю точно так же. Но я нарушил закон! Я вел экскурсию на территории музея, не имея не только удостоверения экскурсовода, но и вообще никаких легальных бумаг. Это музей, не может каждый водить по нему экскурсии, надо платить деньги, сдавать экзамены, получать разрешения, согласовывать время. Короче, надо облизывать все бока футляра из правил. А мне было плевать на это, да и сейчас наплевать. Смысл важнее. Можешь вести экскурсию – веди, не можешь – пойд и выпей море... Так что вот: не нарушь я закон – все, твои родители не знакомы, тебя нет. Нет тебя, а есть все твои правила. А тебя нет. Не родился. Не повезло. Эффект бабочки, как у Брэбери.

– Вы все время передергиваете, абсолютизируете, доводите до абсурда. Это – казуистика, не хуже иезуитской. Я могу привести сотню контрпримеров и рассказать две сотни историй.

– Да, это так, поскольку ты умный, талантливый, молодой и пишешь диссертацию по Канту. Но ведь нет тебя! Не встретились родители, все счастливы, все законы на месте, только небольшая загвоздка – кто-то сошел со своей тропы, а делать этого было нельзя.

Мы замолчали. По Темзе плыли белые лебеди – собственность Ее Высочества Королевы. Под-

распустив крылья, они грациозно скользили по воде. И лишь немногие знали, что крылья у лебедей подрезаны, чтобы не улетели они в дальние страны в поисках свободы и приключений. Потому что улетевшая собственность – уже не совсем собственность, скорее ответственность. Закон же от XVI века гласит, что лебедей надо любить, кормить и лишь иногда, по большим праздникам, есть.

Вдруг потеплело. Над школой драконов совершал свой пробный полет небольшой дра-

кончик. Не зря в Оксфорде писали Толкиен и Льюис.

- Как он тебе? – спросил я Макса.
 - Молодой еще, не знает, как высоту набирать. Надо было бы подучить, прежде чем летать отправить.
 - А на мой взгляд, надо бы сначала цепь снять.
- Мы снова замолчали, каждый о своем...

